

18+

НАТАЛЬЯ КИСЕЛЕВА

ТОЛЬКО ПРАВДА

Наталья Киселева

Только правда

«Издательские решения»

Киселева Н. В.

Только правда / Н. В. Киселева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850197-5

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Выпавшие на долю Натальи Киселевой испытания были способны сломить любого, но только не ее. С тяжелой болезнью она боролась упорно, бесшабашно, весело, воодушевляя других, заражая своим оптимизмом, вселяя веру и надежду. Ее записки рождены из того же пропитанного болью материала, из которого были созданы «Раковый корпус» и «Как закалялась сталь», они потрясают своей правдивостью и точностью. Эта книга в ваших сердцах найдет глубокий отклик. Потому что это — правда. Ничего, кроме правды.

ISBN 978-5-44-850197-5

© Киселева Н. В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Только правда	7
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Только правда

Наталья Викторовна Киселева

© Наталья Викторовна Киселева, 2017

ISBN 978-5-4485-0197-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Наташа Киселева не была моей пациенткой, я познакомился с ней в 2006 году, когда она стала постоянным участником форума пациентов на сайте «Жизнь вопреки ХПН». Какой-то горячей жизненной силой были пронизаны ее сообщения. И еще меня к ней расположило то, что она сразу взялась помогать. Всем.

Вот что обязательно нужно знать тем, кто держит эту книгу в руках: Наташа постоянно кому-то помогала, о ком-то заботилась, кого-то поддерживала, словом, делом, даже самым фактом своего существования. Она не писала об этом, она считала это естественным, это был ее способ жить и верить.

Я тоже получил от нее серьезную поддержку: она систематизировала огромную информацию, собранную на форуме и составила интерактивное оглавление, которым долгие годы будут пользоваться многие люди. Долгие годы, уже без нее, без нашей Наташи.

Нам всем, ее друзьям, хотелось сохранить эхо ее чуть ироничного голоса. Нам кажется, что она своим ярким словом поможет (в который раз поможет) всем, кто прочтет ее записки – пациентам, врачам, родственникам пациентов. Поможет, уже переступив границы земного существования.

Алексей Денисов

Только правда

2004-й, сентябрь. И чего я так боялась ложиться в больницу? Давно надо было. Всего-то один день лежу, пару капельниц сделали, а уже могу лежать на спине и нормально дышать. Полежу пару недель, подлечусь, давно пора. Все же с моим диабетом шесть лет не лежать в больнице – это перебор.

Так я думала, лежа на койке в двухместной, вполне комфортабельной палате. Соседка по палате, молодая девица по имени Женя, ушла домой на выходные. У Жени после родов обнаружили диабет. Она колола бешеные дозы инсулина и целыми днями поедала печенье – кажется, сладкое. При этом все время говорила, как ей нужно похудеть. Я сказала было про печенье, но встретила полный недоумения взгляд – оно же низкокалорийное! В общем, девица была скучна, говорить с ней было не о чем. Поэтому сначала я обрадовалась, когда она ушла. Но потом стало скучно.

Из дома почитать взяла только «Раковый корпус» Солженицына – и с чего я решила, что уже не выйду из больницы? Решила себя подготовить подобным чтением, вот идиотка. А теперь маюсь, бродя по коридору и не зная, чем себя занять. Наверное, зря я так ополчилась на Э., врача-эндокринолога. Ну, подумаешь, наговорила мне когда-то гадостей, зато сразу разобралась, что в моих постоянных гипах виноваты не нарушения режима, о чем мне упорно талдычили другие. И маме пропуск дала для посещения в любое время, сказав: «У вас дочь тяже-

лая». И что тут тяжелого? Вон как бегаю! Попью леспефлану, говорят, он креатинин хорошо снижает. Правда, что-то уж больно высокий креатинин – 870, кажется. Может быть, еще ошиблись, вот сдам анализы завтра, и увидим.

И что они к моим легким привязались? Только на рентген уже три раза таскали, а рентген в подвале, там холодина такая, что можно туберкулез заработать. Хотели меня на каталке везти – смех, я сама кого хочешь туда отвезу! Понос, правда, осточертел уже, ни днем, ни ночью покоя нет. А креатинин уже – 1000. Но Э. каждый раз на обходе держится очень уверенно, говорит: «Подлечим, подлечим тебя».. Зря я на нее «тянула» – вон, как хорошо ко мне относится, даже в двухместную палату положила. Женя выписалась, теперь лежу с Мариной – у нее что-то со щитовидкой. Все время меня успокаивает, а я и так спокойна. На работе пока раскачка идет, до сессии далеко, успею еще.

Н-да, что-то явно не то творится. Отеки, вроде, немного начали спадать, а сейчас снова все больше и больше. И зачем я съела эту кукурузу, ведь она лежала не в холодильнике? Отравилась, наверное, вон температура подскочила. Еще неделю, как минимум, это добавит. Э. говорит, что ей что-то не нравится. Сказала маме, что меня надо возить на плазмаферез, но «она этого не говорила». Потому что процедура платная, она ее не имеет права назначать.

Завтра повезут в заводскую поликлинику делать плазмаферез. Страшно, конечно: сказали, где-то литра полтора крови сразу возьмут. Но что-то надо делать – сил совсем не стало. Возили в очередной раз на рентген на коляске. Значит, мне не лучше, а хуже становится: в прошлый-то раз сама шла, а тут даже на коляске не хотела ехать, так устала. Оставьте, говорю, меня в покое. Света, медсестра: «Наташ, ну надо, я тебя довезу». И я не смогла отказаться от коляски.

Надоело все до чертиков. Спать ночью не могу совсем. Врач говорит, что это потому, что сплю днем. Она говорит: «А ты не спи днем». И как не спать, если глаза сами закрываются? Ходила на плазмаферез два раза. Делал С. – классный мужик, военный врач. Я просто не привыкла к такому обращению. Так меня успокаивал, хоть это совсем и не страшно. Обещал за месяц привести меня в порядок. Я ему верю, только Э. ему мешает. Хуже всего ночью. Почему-то страшно и кажется, что скоро умру. Один раз представила, что больше не увижу своего Лисенка – чуть не заплакала. В выходные приходила Машка. Судя по ее округлившимся глазам, вид у меня неважный. Да я и сама вижу – отеки все больше и больше. Скоро ложку в руках не удержу. Надеюсь только на плазмаферез. Пить не дают: глоток воды как награда. И все время делают капельницы.

Как-то утром проснулась и поняла, что у меня отнялись ноги. Стало очень страшно. Сползла кое-как с кровати и пошла в коридор – там все же народ ходит. Села на стул и думаю: а обратно-то как дойду? Ждала, когда Э. на работу придет. Она пришла и сказала, что все нормально, все пройдет. Иди, говорит, в палату. Я бы и пошла, но не знала как, не идут ноги – и все. Довела меня до палаты одна девушка из другой палаты. Когда опять сделали капельницу, она закончилась, а вынимать иголку из вены никто не пришел. Я сама выдернула иголку, кровь пошла. Сидела на кровати и смотрела, как идет моя кровь. Потом пришла медсестра, отругала, забинтовала. Весь пол и простыня были в крови. Вен уже просто нет, колют в запястья. Соседка у меня поменялась – Марину отселили, а поселили Людмилу Сергеевну. Она без руки (с культей) и ходит только с ходунками. Ко мне стал приходиться Костя. Я не хочу, чтобы он меня видел такую, но все равно радуюсь – ничего не могу с собой поделаться. Он стал очень терпелив со мной. Мне надо его выгнать, но это выше моих сил. Он говорит: «Ты крепкая, ты все выдержишь». Конечно – а что мне еще остается? Вокруг меня какие-то нехорошие разговоры: говорят, что не знают, что со мной делать, хотят вызвать кого-то из Москвы. Но ведь плазмаферез только начали, и С. сказал...

Что-то медсестры со мной стали больно предупредительны. Одна сказала: «Ты хороший человек, ты не умрешь». К чему бы это? Я ведь и не собираюсь. С утра приехало «светило»

из Москвы. Все врачи собрались на него посмотреть. Сначала он смотрел мою УЗИ почек, анализы, потом зашел в палату. Мама сидела рядом. Она в последнее время почти всегда рядом, когда не бегает за какими-то очередными лекарствами. Он подошел к моей кровати и буквально впился в меня глазами. Толстое, круглое, слегка помятое лицо.

– Ну что ж... Кем ты работаешь?

– Концертмейстером

– Так вот, товарищ концертмейстер, почки у тебя не заработают уже никогда. Сладкое воровала? Диету нарушала?

– Не особенно. И зачем мне воровать, я просто брала.

– Ну вот, допрыгалась. Конечно, ты могла бы заливать растворы (это еще что такое?) дома хоть тридцать лет (как я узнала потом, бред полнейший). Но мест у нас нет. Поэтому, – он картинно развел руками, – жить ты не сможешь.

Все это он произнес, глядя мне прямо в глаза и явно ожидая какой-то реакции. У врачей и медсестер, ждавших высочайшего вердикта у дверей в палату, вытянулись лица. В голове вертелось: «Но С. же сказал... И Костя... А этой роже чего от меня надо?». Ладно, разберусь потом, не сейчас... «А ведь он от меня истерики ожидает», – вдруг дошло до меня. Я посмотрела прямо в глаза этой красной помятой роже и сказала:

– Да? Seriously?

Он явно ожидал чего-то другого. Как-то сразу сник и пошел к выходу. Выходя, бросил через плечо:

– Ну, можете выписать ей пару флаконов плазмы. Я подпишу.

2004-й, октябрь. Как-то за всем этим и не заметила, как наступил октябрь. После визита «светила» все отделение гудело: когда я выходила в коридор, каждый пациент считал своим долгом подойти ко мне и выразить свое негодование действиями «убийцы в белом халате». При этом глаза обычно прятали, но я и так знала, что в этих глазах. «Слава Богу, что это случилось не со мной» – это было написано на всех лицах крупными буквами. Я равнодушно и дежурно отвечала: «Я еще их всех переживу». А сама начала готовиться.

Написала коротенькое прощальное письмо Косте, уместилось на одной странице. Письмо я отдала ему на следующий день, сказала, чтобы прочитал, если... Он что-то проворчал недовольно, вроде: «Что за дела...», но письмо взял. Я рассказала ему про визит светила, начав словами:

– Ты представляешь, этот м...

Костя скривился:

– Наташа, тебе это не идет. Не говори такого. Для тебя это даже полезно: может быть, перестанешь наконец витать в облаках и сконцентрируешься на главном – на своем выздоровлении.

Я давно знала, что про неприятности он просто не хочет ничего знать, и ему это обычно отлично удавалось. Но в этот раз не удалось. Во время разговора с ним я вдруг почувствовала, что у меня все тело немеет, язык не ворочается. Голова еще соображала, но тело абсолютно не слушалось. Мама:

– Наташа, что с тобой?

А я сама не пойму, хочу сказать, что все нормально – и не могу. Костя все же струхнул, обнял меня. Меня куда-то тянуло, тащило, а он меня обнимает. Хорошо и совсем не больно. Вот бы сейчас умереть, я так устала.

– Сахар у нее упал! – это мама.

Набежали медсестры с глюкозой. Через десять минут я была в порядке, если это можно так назвать. Жаль.

Медперсонал явно не знал, что со мной делать. Впервые прозвучало слово «диализ». Причем, в диализе наши врачи не разбирались абсолютно, и информация до меня доходила

самая туманная. Говорили что-то про трубку в животе и одновременно про то, что разрежут руку и ею после этого практически нельзя будет шевелить (для меня – полная катастрофа!). Конечно, на тот момент я не то что на пианино играть – ложку с трудом удерживала. Но это меня как раз не очень беспокоило, я понимала, что или что-то сделают, и руки мои обретут нормальный размер, или просто они мне уже не понадобятся. Продолжать плазмаферез мне запретили категорически, сказали, что общий белок крови (оказывается, он не только в моче бывает) упал до критической отметки. Диализных мест не было.

То есть не было бесплатных. А платные наши медики предлагать не имели права. И тогда они решили меня выписать. Потому что креатинин к этому времени стал уже 1200. Мама моталась с моими анализами в К., ближайший к нам город, где был диализ. Местный врач, увидев анализы, сказал, что такую пациентку он бы не взял, потому что с такими анализами не живут. Но если за деньги, то ему, в принципе, все равно. На один месяц диализа нужно было 27 тысяч рублей. На один месяц деньги были. Что будет дальше, старались не думать. Причем деньги наличкой не брали, их должны были перевести как бы от организации-спонсора. Почему я была до сих пор жива, совершенно непонятно. Видимо, клятуший понос, донимавший меня круглосуточно днем и ночью, спас мне жизнь за неимением нормального лечения. Врач торжественно объявила маме: «Каждый день может стать последним». Я была не против. Чувствовала, что жизнь моя все равно закончилась, прежней жизни больше не будет никогда. Я не хотела ходить с развороченным животом, рукой или чем-нибудь еще, тем более, что информации о том, что меня ожидает, практически не было. Людмила Сергеевна, однорукая моя соседка по палате, рассказала, как в молодости она попала в аварию. Рука держалась на честном слове. У нее началась гангрена, и врач-хирург дал ей два часа на размышление. «Если через два часа я не отрежу тебе руку, – сказал он, – у тебя начнется заражение крови». Сначала она хотела умереть, потому что не представляла, как будет жить без руки. Потом сказала себе: «А почему бы не попробовать, «туда» ведь всегда успею. И попробовала. Теперь у нее замечательный сын, который ее обожает (чистая правда, сама его много раз видела), отличный внук. «Вот и ты, – говорила она мне, – попробуй сначала. Все у тебя будет хорошо! Ты бы видела, как твой Костя побелел весь, когда тебя с сахаром скрутило». Я обещала подумать. Хотя мне пока толком никто ничего не предлагал.

В последний перед выпиской день я зашла к Э. поговорить. Да, представьте себе, я, несмотря на все врачебные прогнозы, еще вполне прилично передвигалась и неплохо соображала. Э. я добила вопросом о том, когда примерно я смогу выйти на работу. Она открыла рот, чтобы разразиться бурной речью о том, понимаю ли я вообще свое положение, но, посмотрев мне в глаза, вдруг поняла – очень даже понимаю. И сказала совсем другое:

– Знаешь, а ты выйдешь на работу. Конечно, ты была трудной пациенткой. Но именно такие и выживают – самые упертые. Конечно, мало кто с этим работает. Но насчет тебя я не сомневаюсь.

В последний мой день в больнице у Машки был день рождения. Вечером я попросила у медсестры разрешения позвонить по телефону. Обычно они разрешали не всегда, но мне было можно все (положение приговоренного к смерти тоже имеет свои преимущества). Почему-то никак не могла набрать номер – пальцы не слушались, мысли разбегались. И вообще было ощущение, что забыла как пользоваться телефонным аппаратом (потом узнала о влиянии на мозг уремических токсинов). Все же сконцентрировалась и набрала номер, вяло поздравила Машку. Она говорила со мной слишком бодро:

– А у меня Костя, я его сейчас позову!

Мне это как-то не очень понравилось, но такая мысль сразу же ушла. Кто теперь я? От меня только тень осталась, правда, слишком уж большая по размеру, настолько все распухло. Чуть ли не впервые в жизни я не испытывала никаких чувств от разговора с Костей. Даже раздражала эта фальшивая бодрость, он что, действительно не понимает моего положе-

ния или притворяется? Скорее всего, не хочет понимать! Я оживилась только тогда, когда он сказал, что завтра вечером придет ко мне, а потом поедет вместе со мной в Москву в больницу.

На следующее утро меня выписали. Я обняла Людмилу Сергеевну, по традиции потянула за ее койку и тут же подумала: а куда я ее ташу? Где я сама буду через день? Лучше не думать. Лучше я подумаю о том, что вечером придет Костя, а завтра он поедет со мной в больницу.

Вечером они пришли – Костя и Машка. Машка мне потом сказала, что видок у меня был похуже, чем у ее отца непосредственно перед смертью, и она всерьез опасалась, доживу ли я вообще до утра. Я и сама ощущала, что счет пошел на часы. Рано утром они опять пришли. Машка договорилась с нашим бывшим одноклассником, у которого был свой фургончик, что он довезет нас до больницы. Тут меня ждало разочарование: я-то думала, что Костя сядет рядом, а они с мамой сели к водителю, вроде бы для того, чтобы мне было больше места. Мне осталось только покориться судьбе и закрыть глаза. Иногда они меня окликали, помня о моем сахаре. Я отзывалась не сразу, мне нравилось слышать тревогу в голосе Кости. Понимала, что веду себя нехорошо, но не могла отказать себе в последнем удовольствии. В больнице мне должны были поставить катетер для гемодиализа, чтобы потом везти в К. на платную процедуру. Но катетеров не оказалось.

– Последний вчера поставили, – сказал хирург.

– Фистулу делать бесполезно, она не доживет до того времени, когда фистула созреет. Могу предложить перитонеальный диализ. Вставим ей в живот трубку и будет заливать растворы.

Я не имела ни малейшего понятия, что это такое. Но выбора не было. С трудом поставив закорючку на согласии на операцию (если так пойдет – скоро крестиком подписываться буду), я пошла в палату.

– Операция через полчаса – напутствовал хирург.

У меня еще ЦЕЛЫХ полчаса. Конечно же, их я провела в обнимку с Костей.

Ну, все, пора. Передышка закончилась. Впереди была полная неизвестность и, как я подозревала, ничего хорошего. Но действительность превзошла все мои самые худшие ожидания.

До сих пор не пойму, почему же со мной так поступили в нашей ЦРБ. Вместо того, чтобы отвезти на «скорой» в больницу, где есть диализ, просто выкинули на улицу. Хотела потом съездить к Э. и спросить ее, да времени не было. Хирург сразу сказал, что нужно отдать 1000 долларов за операцию и за растворы – единовременный взнос, так сказать. С собой у нас было только 200.

– Только не обманите

Как теперь понимаю, хирург нервничал, потому что его требования были абсолютно незаконны. Мама сказала, что остаток будет в понедельник. Меня повели в операционную. Я разделась и легла на стол, имея очень слабое представление о том, что, собственно, хотят со мной делать. Вся подготовка к операции свелась к тому, что мой живот щедро намазали йодом.

– Сейчас вы почувствуете укол, а потом чувствительность утратится.

Я от страха начала про себя напевать «А Мари всегда мила...» – первую песенку, которая пришла в голову.

– Ты чего воешь? Больно? – так оценили мои вокальные данные.

– Вроде нет

Больно действительно не было. Ощущение было, как будто к моему животу присосался вампир и методично высасывает все внутренности. Терпеть это не было никакой мочи, и я начала потихоньку двигать ногами, чтобы отвлечься.

– Не шевелись! Будешь дергаться – переставлять придется!

Господи, только не это! Я вспомнила девочку из палаты, которая успела мне сказать: «Не бойся, я во время операции вырубилась и ничего не чувствовала». Везет же людям! Я бы

с удовольствием, но даже намека нет! Во рту пересохло, язык как наждачная бумага – знакомые все признаки.

– Мне плохо, у меня сахар поднялся!

– Да? Медсестра, измерьте ей сахар! Действительно высокий – 29. Инсулин у мамы есть?

– Есть.

Вышли в коридор:

– Мама, наберите инсулин!

Ко мне:

– Сколько?

После этого вопроса мое мнение по поводу их профессионализма упало катастрофически, но куда деваться, если уже лежишь с развороченным животом?

– Где катетер ощущаешь – в прямой кишке?

– Понятия не имею, вам виднее.

– Смотри, будет не там – придется переделывать.

Только не это! Наконец, закончили, зашили.

– Вставай, иди на коляску.

Кое-как переползаю на коляску. Смотрю на живот, из него торчит пластиковая трубочка с наконечником на конце, это еще что за фигня?

– В трусы не засовывать, – последнее напутствие.

Я ошарашено смотрю на новоприобретенную часть тела и засовываю ее в трусы, потому что больше просто некуда. Мама волочит коляску со мной в палату. Новая жизнь началась.

В палате я переползла на кровать в полном изнеможении и сразу отключилась. Вообще, как я рассмотрела потом, палата больше напоминала цыганский табор. Все пациенты жили с родственниками, часов посещений не было, родственники находились в палате круглосуточно. Ночевали кто где: кто притащил раскладушку, кто уходил на ночь на пустую кровать в коридоре, кто спал на полу, кто на одной кровати со страждущим родственником. Главное – прийти в палату до девяти вечера (после этого отделение закрывали на замок). Несмотря на то, что палата была женской, жили тут и мужчины-родственники. Как я поняла потом, это было жизненно необходимо. Но об этом позже.

Проснувшись я от того, что меня переворачивали:

– Наташенька, надо заливать. Ты лежи, я все сделаю, только не дергайся.

У моей кровати мама и врач. Врач что-то показывает, делают что-то с моей трубочкой. Слышу их разговор:

– Это надо будет делать четыре раза в день.

– Да, я поняла. И как долго?

– ВСЕГДА!

Можно ли убить человека одним словом? В тот момент я подумала, что можно. Было больно – вообще-то заливать рекомендуют не раньше, чем через две недели после операции, чтобы все успело зажить. Но это был не мой случай, столько бы я просто не прожила. Но услышав слово «всегда», про боль я напрочь забыла. «Почему мне не сказали раньше? Я бы никогда на это не согласилась! Каких-то два дня оставалось промучиться – и все!». В голове начало звенеть. Я с удовольствием потеряла бы сознание, да как бы не так!

– Наташенька, что ты стонешь? Больно?

– Нет.

– Больно, я знаю. Сделайте ей обезболивающее.

Я хочу сказать, что не нужно, а потом думаю – какая разница. После укола голова закружилась и я благодарно провалилась в темноту.

М-да. Следующая неделя была, пожалуй, самой страшной в моей жизни. В первую ночь после операции у меня в очередной раз упал сахар. Смутно помню, как мама пихала мне в рот

варенье, а я отчаянно отплевывалась. Никогда в жизни я так страстно не хотела умереть! Потом я услышала скрежет зубов и жуткий вой. «Это я, что ли, так вою?» – я успела еще удивиться. Дальше – тишина. Бедные однопалатники решили, что к ним положили буйнопомешанную, но ни до, ни после такого больше не повторялось. Сказать, что я сломалась – не сказать ничего. Меня просто НЕ БЫЛО.

Бедная мама всерьез опасалась за мой рассудок: я упорно лежала на левом боку (с левой стороны как раз был вставлен катетер), уставившись в стену. Иногда бежала в туалет в самом конце коридора – первые два дня меня возила мама на коляске, потом стала ходить сама. На все мамины увещевания отвечала односложно: «Отстань». На ее попытки заинтересовать меня процедурой заливки ответила еще более определенно: «А пошло оно все на...!». Тетушки в палате бурно осуждали мое поведение, но мне было все равно. Медперсонал нас не тревожил своим вниманием – были выходные. Еду по этой же причине давали сладкую, никто из врачей не написал, что у меня 9-й стол. Не есть тоже было нельзя.

Сахар прыгал невероятно, но мне было все равно. Организм мой как будто понял, что за него взялись основательно и почти сдался. Из-за отеков я с трудом шевелилась, не могла наклониться, пальцы напоминали сосиски, кожа лопалась. В общем, даже в нашей тяжелой палате на меня смотрели с плохо скрываемым ужасом. Как я понимаю, шансов выжить у меня почти не было, тем более, что жить я и не хотела. Совсем. Но... Душа отчаянно хотела умереть, тело же не менее отчаянно цеплялось за жизнь. Победил как всегда сильнейший, то есть тело.

Теперь хочу описать место, куда я попала, и нашу палату. Отделение «искусственной почки» находилось в старом трехэтажном особнячке с абсолютно непонятной планировкой, некоторые лестницы вели просто «в никуда». На первом этаже были столовая, раздевалка, лаборатория и диализный зал. На втором – палаты и еще один диализный зал. В первых палатах почки еще пытались лечить, моя палата была седьмая, там даже анализов мочи не делали, считалось, что почек у нас нет по определению. Были палаты для пациентов на перитонеальном диализе – мужская и женская, и палаты для пациентов на гемодиализе. Позже я с удивлением узнала, что пациенты ПД и ГД взаимно недолюбливают друг друга. Казалось бы, что тут делить, но каждый хвалил свой метод лечения и хулил другой. Тем не менее, все сходились на том, что диабетика (такие как я) – люди второго сорта. «Вам даже почку нельзя пересаживать!». Не очень-то и хотелось: ходи потом и вздрагивай, как бы какую заразу не подцепить. Заразу – это потому, что после пересадки, чтобы не отторглась пересаженная почка, человек пожизненно пьет подавляющие иммунитет препараты и потому очень уязвим для любой инфекции. Наша палата была дальше всего от туалета, нужно было бежать через огромный коридор, зато ближе всех к «заливочной» – крохотной комнатке, в которой мы и должны были проделывать пресловутую процедуру.

Процедура заключалась в том, чтобы заливать в живот специальный раствор. Стенка брюшной полости, покрытая брюшиной и оболочки внутренних органов выполняли функцию фильтра: токсины накапливались в растворе, после чего раствор сливался и заливался новый. Прodelывать это нужно было четыре раза в день, КАЖДЫЙ день, без выходных, праздников и отгулов. Врачи дали примерное расписание процедур: 7 утра, 12 дня, 5 часов вечера и 23 часа (перед сном). Так что выходило, что первое и последнее, что мы видели в течение дня – это пакет с раствором. В палате, как я уже сказала, был настоящий цыганский табор. Больные были в основном тяжелые и требовали ухода, поэтому почти со всеми неотлучно находились родственники. Тем более, что если «процедура» шла как-то не так (а могло случиться все, что угодно), сам пациент просто не мог со всем этим хозяйством подняться по крутой лестнице на третий этаж, чтобы позвать врача. Заливаться (это слово поначалу вызывало у меня шок, словно мы бензовозы какие-то) нужно было только в маленькой и якобы стерильной комнатке для заливок. До стерильности ей было примерно как до небес. Поскольку «процедура» у всех была в одно время, все страждущие в заливочную просто не помещались. В палате постоянно

орал телевизор, принадлежащий одной из пациенток (она уже готовилась к выписке и чувствовала себя неплохо). Мне телевизор не мешал, но мама очень от него страдала. В общем, жуткая скученность, духота, сквозняк (когда проветривали палату) – все это было нормой жизни.

Напротив меня лежала моя тезка. Она попала на диализ за день до своего восемнадцатилетия. Худая и высокая, она с трудом переносила заливки, в ее организме просто не было места для двух литров раствора. Каждый раз после заливки ей становилось плохо: ноги отекали, давление поднималось до заоблачных высот. Но каждый новый врач считал своим долгом самолично попробовать ее залить – и убедиться, что этот метод ей не подходит. Кончилось тем, что после очередной попытки она потеряла сознание и у нее случился припадок наподобие эпилептического. Только после этого ее перевели, наконец, на гемодиализ. Забегая наперед, скажу, что и гемодиализ у нее в итоге не пошел, и отец отдал ей свою почку, операция прошла успешно. Еще лежала с нами Ольга, пожилая полуслепая женщина с диабетом. С ней постоянно находились сын или, реже, муж. Терпение ее сына было просто сверхъестественным. Он приходил рано утром, делал все заливки и уходил поздно ночью, а иногда оставался и ночевать. Заливок Ольга боялась панически, всегда они оба сидели в масках и держали руки, как хирурги перед операцией. При этом с осуждением поглядывали на меня – я сидела без маски, с распущенными волосами, беспечно почитывая какую-нибудь (наверняка заразную!) книгу. Естественно, первый перитонит (воспаление брюшины вследствие попадания в нее инфекции) случился как раз у нее. Но это все было позже, а пока я никого и ничего не хотела видеть, и в голове пульсировало одно слово – КОНЕЦ, или даже хуже, чем конец. Действительно, стало еще хуже, когда я поближе познакомилась с медперсоналом.

В понедельник утром началось: для начала взяли кровь из вены, потом забежал в палату врач-хирург, делавший мне операцию, получил остаток своего «гонорара», едва взглянул на меня и вынес вердикт: «Ну, скоро выпишем». Конечно, что же меня держать – деньги-то уже получил, нечего койко-место занимать. Потом пришла непосредственно мой лечащий врач А. Надо сказать, что как раз она была получше остальных – тоже брала и деньги, и подарки, но хотя бы лечила одинаково и тех, кто ей их давал, и тех, кто не давал. Осмотрела меня, спросила, как идут процедуры.

– Чудес у нас не бывает, программа лечения заработает, но не сразу. Главное, за сахаром следите.

Тут мама пожаловалась, что сладкую еду дают.

– Ладно, напишу вам 9-й стол.

После завтрака в палату забежала высокая полная женщина и сразу громовым голосом заорала:

– Кто тут? Ты? Почему на перевязку не идешь? Я должна за вами бегать? Ты хочешь, чтобы у тебя дырка загноилась? Быстро на перевязку!

Это была М., перевязочная медсестра. На самом деле, добрая женщина, но в этой больнице ко всем было такое отношение, словно ты лежал тут всю свою жизнь и обязан был знать все больничные порядки. А если чего-то не знал, медсестры тут же принимались орать.

Я поползла на перевязку. С пятницы, дня операции, мою рану даже не смотрел никто, пластырь весь съехал.

– У тебя же еще и диабет! Как с пятницы не смотрели? У тебя же там кошмар, наверное! Надо же, нет, все в порядке, странно.

Странно. Странно, что я вообще еще жива. В «Трех мушкетерах» про кого-то сказали, что у него, видно, душа гвоздями прибита к телу. Подозреваю, что у меня эти две субстанции соединены аналогичным образом. Потому что при моих отеках, диабете и креатинине 1300 выжить можно было только при немедленном гемодиализе, а мне его так ни разу и не сделали. Сначала не было катетеров, потом были выходные. «А если пережила выходные, выживет и дальше», – видимо, ход медицинской мысли был примерно таким. После доброжелатель-

ных девочек-медсестер из нашей районной больницы никак не могла привыкнуть, что на меня, с трудом передвигающуюся и туго соображающую, все время орут и погоняют, как скотину.

– Это вы еще Л. не видели, она вам задаст, – страшали однопалатники.

Ну, вот и Л. пришла. Прежде всего заставила меня взвеситься – кошмар, 73 кг вместо моих нормальных 58! И стала учить нас «процедуре». Сначала хотела взяться за меня, но когда я попыталась удержать своими негнушимися сарделечными пальцами трубки, махнула рукой и взялась за маму. Ловкими движениями фокусника она ворочала пакеты и трубки и заставляла маму повторять, а при малейшем несоответствии маминых движений ее требованиям начинала орать. Когда мама (между прочим, закончившая мехмат МГУ), пыталась спросить ее, почему так, а не иначе, ответ был всегда один: «Вы что, хотите, чтобы у нее был перитонит?». Наконец, мама не выдержала и сказала: «Вы что, не понимаете, что мы все в шоковом состоянии? Что мы такие же люди, как и вы, что такое с каждым может случиться?». Но хуже всего были не ее вопли. До понедельника мне заливали один литр раствора, а теперь, в добавление ко всем моим отекам, надо было непременно залить два. «Вы что, не понимаете? Иначе программа не будет работать», – это на мамино робкое: «Может быть, полтора?». Вот тут я поняла, что сейчас реально лопну. Никакие мольбы и уговоры не действовали – Л. стояла и смотрела, пока не залилось все до последней капли. Я тут же со всей возможной для себя скоростью побежала к туалету, где меня основательно прочистило, но все же не лопнула! Принесли обед. Какой уж тут обед! Я еле дышала, не то что еще и есть! Завалилась на кровать, ощущая себя персонажем рассказа Кафки «Превращение» – когда он превратился в жука, завалился на спину и не мог перевернуться.

К среде мы узнали, что, оказывается, все это время мне давали какие-то таблетки. Просто забыли сказать не только о порядке их приема, но и о том, что они мне вообще полагаются. Таблетки лежали в коробочке с моей фамилией в коридоре, пока кто-то из нашей палаты не принес их мне. «Программа» потихоньку начинала работать, отеки спадали медленно, но верно. Жить все еще не хотелось, но я все же начала прислушиваться к разговорам в палате, и даже с некоторым интересом наблюдать, как мама делает мне «процедуру». Она каждый раз пыталась мне показать, что к чему, но сначала я отворачивалась и на ее отчаянные вопли «Учись давай, что я с тобой дома делать буду?», говорила: «А ничего не делай, дай сдохнуть». Потом начала поглядывать вполглаза. Вообще обучение в больнице было поставлено из рук вон плохо. Необходимую для жизни и довольно опасную процедуру заливки показывали один-два раза, все остальное время мы были предоставлены сами себе. Спасались только взаимопомощью: более опытные на первых порах не оставляли новеньких, приглядывали за ними и помогали. Меня в палате осуждали – и за нежелание осваивать процедуру, и за то, что я упорно просыпала первую заливку (мама, устав со мной скандалить, часто утреннюю процедуру делала мне прямо в постели). Л. временно оставила нас в покое, видимо, сочтя свою миссию выполненной.

А в пятницу пришла Машка. За эту неделю, которая прошла после операции (и показала мне месяцем) я успела понять, что нормальной жизни для меня больше не будет. И, скорее всего, все прежние отношения с людьми, если они, отношения, вообще останутся, радикально изменятся.

– О, совсем другие глаза стали, живые! – Машка обняла меня.

– Да? – удивилась я и стала горячо шептать ей на ухо:

– Здесь ад, настоящий ад! Что такое диабет, я только сейчас поняла – это такая ерунда, это просто как насморк!

Она с ужасом оглядела мой живот: да уж, отеки плюс два литра растворов, плюс здоровенный кусок марли (М. не пожалела бинтов) – полное ощущение беременности на девятом месяце.

– Да ладно, это ерунда. Вес уже уменьшился с 73 до 67 кг, и остальное спущу. Расскажи, как у тебя дела, у Кости.

– Костя завербовался куда-то на работу, далеко ездит, ему совсем некогда.

Я уже понимала (пока неделю лежала, все успела обдумать), что с Костей – все. Даже если бы я не попала вот так вот, как кур в ошип, и то было бы – все. Не любил он меня. И я давно это знала, только сама себя обманывала. А сейчас любой самообман терял всякий смысл. Я надеялась хотя бы на его сочувствие и минимальную дружескую поддержку – зря, как потом выяснилось. Машка принесла мне распечатку из интернета про перитонеальный диализ и книгу Донцовой. Тут до меня дошло, что за всю неделю я даже ничего не прочитала (с тех пор как я научилась читать, такого не было за всю мою жизнь). В голове у меня что-то шелкнуло, и сразу после ухода Машки я взялась за ее распечатку. Началось возвращение к жизни – медленное, долгое и нудное.

В распечатке были страшные вещи: смертность от перитонита в течение первого года перитонеального диализа – 20% (с диабетом можно смело умножать на два). Меня осенило: так я уже покойник! Почему-то сразу стало гораздо легче – раз уже покойник, так и бояться-то нечего. Свое новое знание я попыталась донести до соседей по палате. Как они меня не побили, до сих пор не понимаю. Подхожу, например, к Зое (пожилая женщина с пиелонефритом, ужасно боявшаяся всего – операции, процедуры, перитонита) и говорю ей:

– Ты знаешь, что все мы уже покойники? И поэтому бояться нам нечего.

– Что ты, что ты! Ты что такое говоришь? Какие покойники?

Больше всего меня удивляло, что все в палате панически боялись смерти, которой я так желала. Иногда я представляла себе, как беру полный шприц инсулина и вкалываю его себе. Потом пальцы не разжимались, так я давила на воображаемый шприц. И если бы не одно маленькое соображение, несомненно, я сделала бы это. Соображение было очень простое: не хотелось после мучений здесь мучиться еще и ТАМ. Земную жизнь я готова была отдать без колебаний, но вот насчет жизни вечной сильно сомневалась. Вера моя дала громадную трещину («За что?»), но те остатки веры, которые сохранились, не дали мне, слава Богу, сотворить непоправимое.

Дни тянулись однообразно, тоскливо и безнадежно. Просыпалась утром, проклиная про себя это опостылевшее тело, которому все время было что-то надо и что-то с ним было неладно. Сидела в унылой очереди на сдачу анализов под невероятно тоскливым вой какого-то аппарата (до сих пор при одном воспоминании об этом звуке нехорошо становится). Потом – утренний слив. Процедуру я освоила, паче чаяния, очень быстро, как только этого захотела. Потом завтрак, потом я читала все, что попадалось под руку – газеты, старые журналы «Караван историй», МК-Бульвар, Донцову – все равно что, только бы НЕ ДУМАТЬ о своем положении, потом дневной слив, обед, тихий час (иногда удавалось поспать), вечерний слив, ужин, слив перед сном и – ночь. Ночью было хуже всего. Сна не было, вместо этого в голову лезли мысли самого пакостного содержания. Например, что я больше никогда не увижу моря, Питера, Саратова, да и вообще ничего не увижу, кроме пакетов с растворами. Тут еще ко всему подхватила бронхит (простыла, когда проветривали палату). М-да... диабет, диализ, температура 39 градусов. Лежу и думаю (даже с юмором!): «Ну до чего ж я больная... Интересно, есть кто-нибудь еще „больнее“, чем я? И как же я до такого дошла?».

Антибиотики пришлось покупать и колоть маме. В отделении вообще процветало самообслуживание: сами мерили давление и принимали от него таблетки, диабетики сами управлялись с сахаром. Беспрекословно медсестры делали только церукал (против тошноты и рвоты) и обезболивающее после операции. Один раз на меня страшно наорала медсестра за то, что я в одиннадцатом часу вечера попросила у нее укол от температуры:

– У тебя она что, сейчас только поднялась? Я уже спать легла, а тут ходят всякие.

Утром дежурный врач пришел на обход, подошел ко мне и спросил:

– Как дела?

– Температура 39, тошнит, рвет, кашляю, сахар 20.

– А как слив?

– Слив нормально.

– Ну, хорошо.

И ушел. «Все хорошо, прекрасная маркиза...». Я стала находить даже какие-то преимущества в своем положении. Например, могу всем говорить то, что думаю. А что мне могут сделать ХУЖЕ того, что уже случилось? Убить? Так я об этом только и мечтаю! Бедные окружающие, прошу у вас прощения за мой несдержанный в то время язык. К тайному и дикому восторгу всей палаты я схлестнулась с Л., наводившей на всех священный ужас. Я сливалась в заливочной (мама как раз уехала на день домой, она бы такого не допустила). Л. учила, а точнее, «дрючила» очередную жертву, добродушную пожилую женщину, у которой от ее воплей уже дрожали руки. Я тихо сливалась в углу и старательно пялилась в книжку, всеми силами пытаюсь слиться с окружающей обстановкой и не высовываться. Закончив процедуру, взяла часть своих вещей и пошла в палату.

– А это кому оставила? – услышала за спиной грозный окрик.

Все вещи у меня просто не уместились в руках, обычно я уносила все в два приема – книжку, принадлежности для процедур, пакет со слитым раствором и т. д.

– Сейчас приду и заберу остальное, – сказала я и машинально бросила в урну обертку от колпачка, чего вообще-то никогда не делала, но под таким взглядом, как у Л...

– Да что же это такое? Тут каждый будет свою дрянь бросать – что это такое будет? И вообще, я таких больных, как ты, не видела.

– А я таких медсестер не видела! – выпалила я. Л. побагровела. Я с любопытством смотрела на нее: ну, и что ты мне сделаешь?

– Чтобы в заливочной я тебя больше не видела!

Я повернулась и молча вышла. Палата была в восторге!

– Несчастье мое! Ну, совершенно нельзя одну оставить, чего-нибудь да натворит! – так отреагировала мама на мою стычку с Л. – И что мне теперь делать?

– Да ничего не делай!

На самом деле, ничего страшного не случилось. Л. меня игнорировала, и днем я сливалась в палате, что было гораздо удобнее, чем в заливочной. Мама все же поговорила с ней:

– Ну что теперь делать? Характер у нее такой. Но это же не значит, что она должна умирать.

С этим согласилась даже Л. Окончательно нас помирил курьезный случай. М. во время очередной перевязки явно перестаралась. Иду сливаться, и **ВООБЩЕ** ничего не льется. В чем дело? Мы и так, и эдак, и положение меняем – ну никак. Позвали Л. Она промыла мне катетер – результата никакого. Чувствую, она тоже ничего не понимает. Потом вдруг ее осенило: «А что это у тебя катетер какой-то короткий стал?». Посмотрели, а М. его во время перевязки умудрилась как-то закрутить. Раскрутили, сразу же все наладилось. Л. удалилась с чувством глубокого удовлетворения и умственного превосходства. После этого случая наши отношения можно было даже назвать нормальными: стороны всеми силами старались сохранять нейтралитет. Вообще случались и прикольные вещи. Например, приходит ко мне в палату медсестра и говорит: «Тебе укол». Какой укол? Странно, то не допросишься, то сами идут.

– А что за укол? – мой опыт пребывания в медучреждениях говорил мне, что такой вопрос никогда не бывает лишним.

– От давления.

– Да? А я его даже не мерила сегодня. А вы уверены, что это мне?

– Ой, конечно. Я же Кузнецову должна сделать из восьмой палаты, а тут седьмая.

Нет, я все понимаю, но перепутать мужскую и женскую палаты. Хотя из-за обилия родственников сразу и не поймешь, кто где.

Еще смешно с таблетками получилось. В ЦРБ в пятницу вечером обычно давали таблетки на субботу и воскресенье. В понедельник утром приносили на понедельник. Поэтому когда в пятницу выдали ворох таблеток, как обычно, ничего не сказав, что за препараты, как принимать, я разделила их на две одинаковые кучки и одну выпила в субботу, а другую – в воскресенье. В понедельник утром таблеток не дали. Когда я спросила у медсестры, почему таблеток нет, она сказала:

– Так тебе же в пятницу дали!

– А там были и на понедельник?

– Ну да.

– А я их уже все выпила.

– Ничего не знаю, получишь к вечеру на вторник!

На моем самочувствии такой прием таблеток никак не сказался. Еще меня потрясли градусники. Когда я простыла, первый градусник, принесенный мамой от медсестры, я забраковала сразу же: ртутный столбик гордо упирался в цифру 42 и ни за что не хотел оттуда стряхиваться. «Интересно, жив ли тот бедолага, который в последний раз мерил температуру этим градусником?» – подумала я. Второй градусник с виду был нормальным. Но, подержав его минут пять под мышкой, я увидела все те же 42 градуса. Ну, нет, температура у меня, конечно, была – 38 где-то, но никак уж не 42. И только третий по счету градусник оказался пригоден к употреблению.

К процедуре относились по-разному. Некоторые ее панически боялись, сидели в масках и упорно закрывали двери заливочной, как полагалось по инструкции. Инструкция инструкцией, но когда в малюсенькой комнатенке собиралось человек пять-шесть, дышать было просто нечем. Те, кто помоложе и посмелее, издевались над процедурой как могли: «утренняя дойка», «вечерняя дойка», «надои», «привесы». Так изощрялась в остроумии Ленка, моя ровесница с диабетом. Записная оптимистка, она почти серьезно говорила, что ночью к ней прилетят инопланетяне и вылечат. Ну, если не инопланетяне, то наука точно что-нибудь придумает. Как ты сейчас, Ленка? Я знаю про нее, что ее перевели на ГД и у нее большие проблемы с мозговым кровообращением, заносит сильно при ходьбе. Но, в отличие от многих, жива.

После того, как я решила, что деваться мне некуда, жить дальше придется, у меня откуда-то появилось безграничное терпение. Переносила все – боль, тошноту, рвоту, температуру. Иногда, когда что-то особенно доставало, говорила про себя, обращаясь то ли к Богу, то ли к дьяволу: «Ну, давай! Еще добавь, мало лупишь! Не дожدهшься!». Это я про навязчивое желание покончить со всем разом. Докаркалась.

Как-то проснулась утром, измерила сахар – 15. Многовато. Ну, ничего, бывает. Уколола приличную дозу инсулина. Через пару часов измерила – 20. Не может быть! Колю еще единиц 15, что для меня – просто лошадиная доза. Ничего не ем, жду, когда сахар опустится. Через два часа – 30! Ничего не понимаю уже совсем (при таком сахаре обычно в коме лежат). Вдруг осенило: наверное, у меня глюкометр сломался! Зову медсестру с глюкометром, объясняю ситуацию. Она меряет – на экране написано «МНОГО», а это уже больше 33-х. Так, на меня перестал действовать инсулин. То, что это верная смерть – еще полбеды, гораздо больше напрягает, что это удовольствие растянется дня на три. Может быть, у меня инсулин испортился? Прошу у медсестры инсулин, влепляю еще 15 единиц (вообще-то вкупе получается уже смертельная для меня доза). Жду, меряю – 27. Мама в ужасе бежит в поликлинику к эндокринологу, потому что в отделении врачи говорят: такого НЕ МОЖЕТ БЫТЬ! Подумали бы, а зачем мне им врать-то? Эндокринолог (кандидат медицинских наук) озадаченно чешет репу:

– Наверное, какое-то внутреннее воспаление. Бывает. Но когда-то инсулин все равно должен подействовать. И пусть она поест, голодать бессмысленно.

Вкалываю очередную дозу (уже сбилась со счета, сколько это единиц), ем и не меряю сахар, не могу больше. Вместо этого лежу и дочитываю Донцову, заявив, что хочу хотя бы

узнать перед смертью, чем там дело кончилось. Измерили сахар только перед ужином. За 45 секунд, пока ждали результата, чуть с ума не сошли – 11,5. Ну, это хоть как-то! На радостях разрезаю принесенный мне ананас, угощаю народ в палате и с воплем: «Ешь ананасы, рябчиков жуй, день твой последний приходит, буржуй!» – угощаюсь сама. Ни разу такого вкусного ананаса не ела! Тут в палату входит А.: «И она еще удивляется, что у нее сахар высокий! Меньше надо ананасы жрать!».

Хотела ей все объяснить, да не стала. Зачем? Все равно не поверит. Кстати, на следующий день колола тот же инсулин, прежние дозы, сахар был от 5 до 8. Почему? Никто не знает, очередной «бзик» моего ненормального организма.

Как-то раз я насмешила чуть ли не все отделение. Сидим в очереди на перевязку, вдруг ко мне подходит врач – молодой, симпатичный, незнакомый – и говорит: «Мне у вас надо взять мазок». Мама! Кошмар! Лихорадочно вспоминаю, какие на мне трусы и иду в кабинет, а он даже дверь не закрыл. Я: «Доктор, вы хоть дверь закройте. Ну не брать же мазок с открытой дверью!». Он ошарашено закрывает дверь, подходит и берет у меня мазок. из носа. В коридоре все покатываются от хохота. Даже Ольга, которая, кажется, вообще разучилась улыбаться. А уж юмористка-Ленка изгаляется вовсю: «Ты ему хотела отдаться, а тут такой облом вышел!». В ужасе представляю, что бы было, если бы я штаны начала снимать. Я хоть и красная от смущения и пережитого стресса, но, честное слово, рада, что они смеются. Хоть чему-то порадуется, особенно Ольга, мученица заливочной. Жива ли она сейчас? Даже и не знаю.

2004-й, ноябрь. Вот и ноябрь, самый мой нелюбимый месяц. Я тоже стала бояться перитонита, но не потому, что от него можно умереть. А потому, что придется еще надолго застрять здесь. Я вообще терпеть не могу больницы, а уж эту возненавидела всем своим существом. Более страшного места за всю жизнь не видела. Нравятся мне здесь только две вещи – электронные весы и бесплатный телефон (жаль, по межгороду звонить нельзя). С него я иногда звоню Машке на работу – узнаю новости и отвожу душу. Обычно начинаю разговор так: «Привет из преисподней!» или «С тобой говорит тень отца Гамлета!». Но как раз на тень я уже совсем не похожа. Отеки спали. Руками я уже спокойно проделываю свой фирменный фокус – зацепить мизинец за указательный палец и просунуть между ними средний. По коридорам я просто летаю (даже когда себя плохо чувствую, уподобляться местному, еле плетущемуся народу, не желаю хотя бы из гордости). Иногда даже приношу желающим еду из столовой на первом этаже. Начинаю думать, что делать с работой и как жить дальше.

Вообще, удивляюсь, как люди любят говорить пакости. Причем даже не врачи, а пациенты. Врачи как раз поощряют мое желание трудиться на благо общества, а вот пациенты. Рассказывают всевозможные страшилки: «Один мужик с ПД вышел на работу, два месяца проработал и умер, сердце не выдержало. Думаешь, ты лучше?». Я не лучше. Я, наверное, хуже, ведь Господь забирает лучших. Ты был настоящий мужик, мир праху твоему, я тебя уважаю, хоть и не знала (это я думаю про себя). А вслух отвечаю: «Не имеет значения. Все равно все когда-нибудь помрем». В ответ мне только крутят у виска. Гм. не знаю, кто из нас сумасшедший, но я уже четыре года жива и работаю!

Освобождение пришло неожиданно. А. ушла в отпуск, а нашу палату соизволил посетить профессор.

– Это что тут такое? Тут половину выписывать пора! Вот ты! – он посмотрел на меня. – Давно тут?

– С седьмого октября.

– Выписать!

Что? Неужели? Я боялась пошевелиться.

– Нам места нужны, а тут...

Выписал он почти всю палату! Многие недовольно бурчали, а я ликовала. Сразу же после ухода профессора исполнила посреди палаты джигу с воплями к неудовольствию местного

населения, но мне было все равно. Поймете ли вы меня? Я ВЫХОДИЛА из больницы ЖИВАЯ! Хотя уже перестала на это надеяться!

Мама: «Как ты домой-то на электричке поедешь?». Как? ОТСЮДА – как угодно: пешком, ползком. Только бы выйти отсюда, начать руки восстанавливать, вдохнуть вольного воздуха, а там – прорвемся!

2004—2005-й, ноябрь-май. Выйдя из больницы, поняла, что до кондиции мне еще далеко, а самое страшное – может быть, ее, кондиции, вообще уже больше не будет. Врачи еще в больнице предлагали первую группу, от которой я гордо отказалась. Группа у меня была третья бессрочная еще по диабету. Решила так ее и оставить, боялась, что с первой работать не дадут. Кстати, о группе. Как-то недавно мама пошла в больницу лекарства выписывать (мне часто просто некогда с двумя работами и диализом). Там видят: диабет плюс диализ, и третья группа – полный абсурд. Говорят маме: «Она у вас, наверное, до ВТЭК (инвалидной комиссии) дойти не в состоянии, давайте мы ей на дому комиссию организуем. Как она вообще у вас – ходит?». Мама: «Ну, вроде ходит. Сейчас вот в П. на работу уехала (от нас сорок минут на электричке)». Немая сцена, как в «Ревизоре».

С работой получалось как раз все удачно. До конца полугодия меня замещали, выходить в сессию не имело смысла. С сентября до Нового года получалось как раз четыре месяца больничного – разрешенный максимум. Дальше уже или нерабочая группа инвалидности, или выходить на работу, но в январе у нас работы нет, так что я могла формально на нее выйти и спокойно сидеть дома до февраля. «Ну, а уж в феврале как-нибудь выйду», – думала я. Руки начала восстанавливать на следующий день после выписки. Тут же попробовала одну идею: играть на пианино во время слива – приятное с полезным, так сказать. Жаль, фотографий не сделала, сколько ни спрашивала, никто еще до этого не додумался! Вскоре начала отчаянные попытки что-то предпринять, чтобы «слезть» с этой дурацкой процедуры. Н-да, умные учатся на чужих ошибках, а дураки не учатся и на собственных. Ведь «слезала» же с инсулина, дослезалась.

В конце декабря потащилась на курсы Норбекова в Москву – полтора часа только на электричке, да еще пакет с раствором на себе. Говорили, что Норбеков в молодости попал на диализ и успешно с него слез. У меня не вышло даже на три заливки перейти, хоть усердно прозанималась полгода. Проездила на занятия восемь дней общественным транспортом, пакет с раствором – с собой, сливалась там прямо в канцелярии (хороша стерильность). И от дикого перенапряжения получила первый в своей жизни перитонит, который оказался совсем не так уж и страшен, вылечили за пару дней в домашних условиях. В феврале потащилась на работу под робкие причитания мамы: «Дочка, может быть, не надо?». Но я-то знала, что это проформа – она понимала, что если я засяду дома, то со своим дурацким характером сойду с ума сама и сведу с ума всех обитателей нашей квартиры, включая трех кошек.

Кстати, о кошках. Животных категорически нельзя держать в домах, где живет больной, которому требуется перитонеальный диализ, о чем мне и сообщила с удовольствием еще в больнице соседка по палате: «А кошечек-то твоих придется того, ликвидировать». – «Почему?» – «От них шерсть везде, инфекция! Пушистые они у тебя?». Да уж, моя любимица Леська отличается длиннющей красивой шерсткой. Но я сразу решила: кошки не виноваты, что им досталась такая дурацкая хозяйка, поэтому все они останутся дома, и будь что будет!

Да, совсем забыла. Работы-то у меня было две! И на второй, ближней к дому, работе мы провели концерт уже в декабре – всем чертям назло! Дело в том, что кто-то настучал начальству, что я на работу не хожу, а зарплату получаю (жалкие полставки в культуре). Позавидовали, что ли? Пришлось доказывать делом, что я еще жива и дееспособна, так как ходили самые зловещие слухи. Но вторая работа близко – пять минут ходьбы от дома. А вот что касается первой... Вставала утром, самочувствие – не то что на работу, а впору размышлять, куда в таком виде – в морг или сразу на кладбище. Неважно. Идти могу? Могу. Значит, надо на работу.

Сдерживая рвотные позывы и хрипя про себя: «Что было – неважно, а важен лишь взорванный форт!», дотаскивалась до работы и даже умудрялась там работать. Надо сказать, сейчас иногда бывает не намного лучше. Просто научилась не обращать на это внимания.

Примерно раз в месяц надо было ездить в больницу, сдавать анализы и разговаривать с врачом. С врачом своей я познакомилась еще в пору лежания в больнице, и мы сразу же испытали друг к другу взаимную «любовь». Это чувство обычно связывало меня с людьми, которые мне говорили: «Как ты со мной разговариваешь?», подразумевая, кто ты и кто я? «Я – начальник, ты – дурак.». Началось все с тетрадки, в которую мы с мамой записывали, сколько и каких растворов залили и сколько с них слилось:

- А где конечный итог – ультрафильтрация?
- Да вот же, смотрите!
- Ты еще будешь указывать мне, куда нужно смотреть?!

Ну, вот ЧТО можно на это ответить? Я вздохнула и подумала про себя: «Кажется, случай тяжелый, близок к безнадежному». Так же дело шло и после выписки. Она смотрела на меня и выдавала очередную пакость, вроде:

– Ты о чем думаешь? Хочешь долго такой оставаться? Тогда держи давление, а то со своим диабетом ослепнешь быстро.

Как держать? Давление было большим вопросом – держалось под 200 (иногда и за 200) и сбивалось только совершенно лошадиными дозами коринфара.

Не хотелось об этом писать, но из песни слова не выкинешь. Как я и думала, отношения с людьми у меня напрочь разладились. То есть не со всеми, а с самыми близкими (кроме мамы, конечно). Машка, которая незадолго до моего попадания в больницу постоянно звонила (у нее умирал отец, и мы, друзья и знакомые, помогали, как могли), теперь была все время занята. То есть действительно занята – работа в Москве каждый день времени на сантименты не оставляет. «Но хоть в выходные-то можно иногда позвонить?» – думала про себя я. Живет ведь в соседнем доме, я уже месяц как из больницы вышла, а она только вчера заскочила на пять минут на меня посмотреть. Не знаю, в чем тут дело. Вроде старалась не ныть, может, все-таки, ныла? Или сам мой вид был для людей живым напоминанием о «мemento мори», не знаю. Даже отец, который сразу дал мне тысячу евро на лечение без всяких просьб с моей стороны, не любил разговоры о моих проблемах, сразу старался перевести разговор на то, что у него зубы выпадают и, того гляди, желудок испортится, а вот какие он выключатели для ванной купил.

Косте я позвонила сразу после выписки. Он обрадовался:

- Какие люди!
- Вот, вышла. Живая.
- А в этом никто и не сомневался, – бодренько ответил он.

Да? У меня как раз были некоторые сомнения по этому поводу. Недели через две пришел:

– Мы хотели с Машей тебя навестить, но все никак не могли собраться, вот один пришел.

Ну, тут уже сразу все было понятно, но я так соскучилась, что бросилась ему на шею, вкратце рассказала ему о своих мытарствах.

– Да, досталось тебе.

Это были единственные слова сочувствия, которые я от него услышала. Тут же он начал разводить какие-то теории, что не надо было делать операцию, надо было немного потерпеть (куда ЕЩЕ было терпеть, он что, не видел, что со мной творилось?), и почки бы заработали. Переубедить его не было никакой возможности, у него выходило, что я сама во всем виновата – недотерпела. Виновата сама, конечно, но уж точно не в недостатке терпения, а, скорее, в его избытке. Когда я сказала, что мне пора сливаться, он заторопился:

– Ну, мне пора.

Бойтся, поняла я, не хочет этого видеть и знать. Все было ясно, как Божий день. Зачем я к нему потом приходила? Просто посмотреть на него и поговорить. Всем своим поведением

давала понять, что на него больше не претендую, даже не подходила к нему близко. Письмо он мне отдал в первый же мой приход. Я залилась краской:

- Ты его читал?
- Нет, ты же сказала прочитать, если...
- Ты на редкость не любопытен.
- Конечно, зачем мне знать лишнее.

Но приходила я все реже, когда уж совсем тоскливо становилось. Потому что я видела, что мои посещения его не радуют. Не потому, что я жаловалась – ему я вообще не жаловалась. Сам мой вид напоминал о болезнях и смерти – видимо, так.

Чтобы не затосковать совсем, я придумывала себе развлечения. На первое апреля решила разыграть маму и ночью после слива с энергией, явно достойной лучшего применения, в течение часа проталкивала по длиннющей магистрали в пакет со слитым раствором моток черных ниток – получалось, словно это у меня из живота вышло. Утренний вопль моей несчастной матери был мне наградой. Я ее, конечно, сразу успокоила. Эх, не надо шутить с такими штуками, через пару дней у меня начался перитонит.

Вообще перитониты у меня были какие-то странные – никаких адских болей, о которых рассказывали другие. Может быть, они преувеличивали? Но ощущения рыбы, попавшей на крючок, я прочувствовала сполна, особенно во время процедуры. Днем было легче – садилась за пианино и заглушала боль тем, что наяривала что-нибудь погромче (помирать – так с музыкой!). Особенно хорошо шел «День Победы» – наш ансамбль как раз готовился к выступлению на 9 Мая. Вот в мае-то и начались новые пакости.

2005-й, май. 9 мая у меня было отличное настроение – давно такого не было. Ансамбль наш вполне успешно выступил на уличной сцене, после чего я пошла домой, передохнула, слилась (куда ж без этого!) и снова вышла на улицу с хорошей приятельницей и бутылочкой вина. Дождавшись хилого салюта (городок у нас маленький), разошлись по домам. На ночь глядя заявила Машка (ну наконец-то, а то я начала забывать, как она выглядит). Разговор зашел о Косте. К тому времени я к нему заглядывала довольно редко, раз в три-четыре недели. «Козел твой Костя», – сказала Машка. Я ей ответила, что он, по крайней мере, никогда не говорит за глаза пакостей об отсутствующих. «Ты так думаешь?» – загадочно ответила она. Я сказала, что если она хочет продолжать в том же духе, то лучше я пойду посижу в своей комнате (с нами на кухне сидела еще и моя мама). А когда она выговорится, я снова к ним приду. Она не возражала. Минут через десять они меня позвали и мы продолжили сидеть, словно ничего не случилось. Когда Машка ушла, мама подошла ко мне и сказала:

- Наташа, даже не знаю, надо ли тебе это говорить.
- Раз начала, так уже давай.
- Машка рассказала, что Костя про тебя ей пакости говорил.
- Ну и какие же? – (Этот кусок я решила убрать, просто скажу, что было очень больно, обидно и несправедливо).
- А потом он начал приставать к Машке, и она убежала.

В это я поверила, Машке он никогда не нравился. И я понимала гораздо больше: что такое теперь я? А Машка здорова. Но зачем пакости-то про меня говорить? До меня, наконец-то дошло, что того человека, которого я любила, просто не было. Потому что он такого бы никогда не сделал.

После праздников, когда я вышла на работу, сказали, что со следующего года училище наше закрывают. Жизнь моя, не успев наладиться, опять пошла вразнос.

А я чувствовала полную апатию. Все надоело просто до чертиков. Особенно дурацкие пакеты – четыре штуки каждый день. И перитониты, которые в последнее время шли просто один за другим. Только один вылечишь, походишь неделю без антибиотика – и опять. В полном отчаянии решила попробовать один рецептик из книжки: 800 граммов петрушки надо было

долго вываривать с молоком и потом в течение суток все это съесть – каждые полчаса по столовой ложке с верхом. В книжке было написано, что это варево прочищает почки в самых запущенных случаях. Умом я понимала, что это вряд ли поможет, но просто должна была что-то делать, чтобы не сойти с ума. Ничего более отвратительного на вкус я не пробовала за всю свою жизнь. Засуну ложку в рот, а проглотить никак не выходит – наружу просится. Но как-то в себя заталкивала, ела эту пакость с утра до ночи, но съела только две трети. Хотела уже всю ночь до утра есть, но при последнем ночном сливе увидела, что раствор из меня выходит ярко-зеленого цвета, вот уж не думала, что такое может быть. И почувствовала, что пора с этим делом заканчивать. Правильно почувствовала, ведь в петрушке много калия, а калий диализникам нельзя, может сердце остановиться. Но про калий я тогда вообще ничего не знала, никто же не сказал. То, что рассказала Машка про Костю, не давало покоя ни днем, ни ночью, особенно ночью. Дело в том, что мне поменяли антибиотик – старый уже не помогал, а у нового была куча побочных эффектов, в их числе и бессонница. Да еще началась какая-то фигня с ногами – по ночам не могла лежать спокойно, было просто-таки непреодолимое желание пошевелить ими. После того, как пошевелишь, желание это проходит минуты на две, а потом все снова. Вот лежала я так, ворочалась, и в голову лезли бредовые мысли. Самая бредовая была – достать пистолет, прийти к Косте и застрелиться на его глазах. Сейчас даже смешно вспоминать, но я серьезно это обдумывала. Или напоить его водкой с клофелином (причем я могла пить вместе с ним, и мне ничего бы не было, у меня-то давление практически ничем не сбивалось). Правда, зачем – непонятно, ведь грабить я его точно не собиралась. Еще я писала совершенно жуткие бредовые стихи, помню начало одного – «Я с радостью дикой приму тебя, смерть! Скажу: «Приходи поскорей, дорогая подруга!». Гм. Чего я только не проделывала. На самоубийство все же решиться не смогла, но ходила под строящимися зданиями (вдруг кирпич на голову?) или поздно вечером по городу (а вдруг маньяк?). Но ни маньяков, ни кирпичи я не интересовала решительно. Бедная моя мамочка, досталось ей тогда! Один раз я, что есть силы, шваркнула пакет со слитым раствором на пол, пакет лопнул, и все два с половиной литра оказались на полу.

Одна хорошая знакомая посоветовала мне обратиться к целительнице, вроде как ясно-видящей. Мы с мамой поехали без всякой надежды. Я хотела хотя бы узнать, за что же меня лупят-то так? Сразу скажу, со здоровьем она мне не помогла. Зато загнала меня в церковь, за что я ей благодарна до сих пор.

С церковью было трудно. С тех пор, как попала на диализ, даже молиться не могла – считала, что это Бог подсунул мне такую подлянку, а тут каждый день акафисты читай. Я читала, плюясь от отвращения, про то, что я – грешнейшая из всех человек, о милосердности Бога. Ну, примерно можно представить, какие чувства все это у меня вызывало. Но я все равно читала, потому что надежды не было ни на что, кроме Бога. Вот читала с отвращением, а что-то все равно оставалось и давало плоды. Надо сказать, Бог меня не оставил.

Узнав про мои частые перитониты, врачиха из больницы сменила репертуар. К угрозам слепоты добавилось: «Что ты себе думаешь? Так у тебя скоро перитонеальный диализ подойдет к концу, а мест на гемодиализе нет. Ты думаешь, мы кого-нибудь выкинем с гемодиализа, его убьем, а тебя возьмем? Нет, мы тебя помирать оставим». Хотелось сказать: «Дайте уже мне яду». В очереди на прием было жутко. До сих пор помню девочку Свету – выглядела лет на пятнадцать, хотя на самом деле ей было уже за двадцать. Диабет, диализ, слепота, ходила еле-еле. При этом лицо симпатичное, и когда плелась от стула до кабинета врача, казалось, что это игра, что она так балуется, но сейчас распрямится и пойдет нормально. Если бы. Или мальчик Ваня – четыре года на ПД, вода уже везде, сидеть не может, дышать не может. Скорее всего, их уже и в живых нет. Я оттуда вылетала как пробка, удивляясь, как это я еще на работу бегаю. Иногда в этой очереди встречала и тех, с кем лежала. Узнавали друг у друга, как дела, обменивались опытом. Одна рассказала, как у нее хирург катетер отрезал:

– Загноилась у меня дырка, легла в больницу. Там мазали какой-то мазью, но толку никакого. Послали к хирургу, чтобы посмотрел. А он взял, чик ножницами – и перерезал трубку! Я так рыдала! Ну, меня на стол – и три часа возились, пока вынимали, пока новый ставили.

Я подумала, что где-нибудь в Америке она после этого была бы обеспечена до конца дней своих, по суду ей бы не меньше миллиона выплатили, а у нас – хорошо, хоть за операцию денег не потребовали.

2005-й, июль. Сессию на работе кое-как дотянула, начался отпуск, а мне становилось все хуже. От слабости почти не выходила из дома, слив плохой, снова начал вес прибавляться. Давление стало почему-то падать: 90/60, и это после обычных 180. От абактала, нового антибиотика, пришлось отказаться: мало того, что от него началась бессонница, так еще стало выворачивать наизнанку. Следующий назначенный антибиотик был гораздо лучше, но и намного дороже – 300 рублей за флакон, в день надо 3 флакона. Нашли еще один, тоже неплохой, подешевле, но его почти никогда не было в аптеке. 31-го числа у меня сломался катетер. Слилась, хотела залить очередную порцию раствора с антибиотиком – и никак. И трубка начала подтекать. Все.

Как я ругалась – на свою жизнь, на Бога! А ведь Бог меня спасал. Дело-то было плохо – не сломайся у меня катетер, неизвестно, чем бы все это закончилось. А тут волей-неволей пришлось тащиться в больницу. Звоним (как в методичке, которую нам выдали: звоните в нефроцентр!). Там отвечают: «А у нас нет катетеров». – «А что нам делать?» – «Приезжайте завтра». – «Она же до завтра не дотянет – перитонит, лекарство ввести не можем». – «Ну, если будет СОВСЕМ плохо, приезжайте. Только катетеров все равно нет». Вот так. Посоветовавшись, решили ехать. Потому что ждать до завтра... Завтра вообще неизвестно, смогу ли я с кровати встать, а ехать далеко – электричка, метро, потом пешком. Везти некому, поехали. Народ как раз с дач возвращался, электричка – битком. Мама выпросила для меня место, я обычно этого не допускала, могла вообще в другой вагон уйти, но тут даже сопротивляться не стала, куда уж там. Живот с каждой минутой все сильнее болит, башка кружится, тошнит все время – уж как-нибудь бы доехать. Даже в метро не пошли, мама поймала «бомбилу». А народ кругом довольный идет – лето, погода хорошая. Господи, ну ПОЧЕМУ все так?

Дотащились. Дежурный врач:

– Ну и что вы приехали? У меня мест нет.

Заходим в палату – две койки свободны.

– Ну и что? Завтра понедельник, будет плановая госпитализация. А. придет, будет ругаться, что я вас взял.

– Какая плановая госпитализация? Вы что, не понимаете, человек с перитонитом и даже лекарство ввести не может?

– А я что могу сделать?

– Как что? Поменять катетер и дать антибиотик, дальше мы сами.

Гляжу я на эту перепалку, а желание только одно – лечь и свернуться клубком. Что я и делаю: ложусь на свободную койку и заявляю:

– Я отсюда никуда не пойду, просто сил на это нет. Можете ничего не делать, помру здесь – не страшно, вон морг за углом.

– Ладно, иди на рентген, посмотрим, нормально ли катетер стоит. Потом ко мне – поменяю и дам антибиотик.

Антибиотик дал – самый лучший, который по 300 рублей за флакон. Пошли заливаться. Может быть, самовнушение, но облегчение пришло сразу, как только залили раствор с антибиотиком. Вот так я попала в эту больницу, которой боялась, как не боялась до этого ничего в жизни, второй раз.

2005-й, август. В этот раз все оказалось не так уж страшно. Всех уже знала, порядки известные, да и состояние мое было не в пример лучше. Так что мама, дождавшись обхода

и поговорив с А., отправилась домой. А мне назначили экзекуцию: пять двойных сливов. Если учесть, что и одинарный при перитоните здорово затягивается, в заливочной пришлось поселиться. Каждая процедура длилась часа два. Чего я только не делала: и читала, и СМС-ки писала (просадила кучу денег), и в змейку играла, но к вечеру раствор пошел чистый. На следующее утро я обрадовано сообщила об этом А. в надежде, что она отменит двойные сливы. Как бы не так:

– Молодец! Еще один день так же!

Чтобы не свалиться от такого известия, я ухватилась за стену, но все когда-нибудь кончается, и на третий день пять **ОДИНАРНЫХ** заливок показались мне манной небесной. В палате народ собрался колоритный. Прямо рядом со мной лежала Люба, вид у нее был... Я сначала даже не поняла, что это женщина – ну, мужик и мужик. Тем не менее, с ней на одной кровати спал и за ней ухаживал ее малолетний, лет четырнадцати, сынок. Позже я узнала, что Люба – бывшая зэчка, за что сидела, так и не поняла. Ей сделали какое-то подобие перитонеального диализа – в боку торчала трубка, которая вставлялась в пакет с жидкостью. Она пасла стадо в какой-то деревне, в больницу попала только когда почки отказали совсем: «Мне только живот разрежали, а вода как хлынет! Всех хирургов окатила с ног до головы!» – так описывала она, видимо, процесс установки трубки. Но сей странный метод с трубкой ей не подошел, поэтому ее регулярно забирали на гемодиализ.

У окна лежала Альбина. Она была олицетворением всех моих тайных страхов: диабет, диализ, почти ничего не видела и не ходила (после перелома шейки бедра кость так и не срослась). С ней с утра до вечера сидел муж. Мы сначала думали, что это ее сын – она была старше его лет на десять, а если учесть разницу в состоянии здоровья... Коля – совсем еще крепкий мужик, Альбина же была полной развалиной. Колю вся палата уважала и называла хозяином: он следил, чтобы у всех были растворы, в выходные, когда некому было принести растворы из подвала, приносил не только Альбине, но и нам всем. Процедуру он освоил очень быстро, делал все четко и уверенно. Так как Альбина плохо видела, он приходил в шесть утра к первой заливке и уходил в десять вечера после последней.

Была и очередная мученица заливочной, у которой ПД не пошел сразу, а самой крепкой из нас была моя тезка Наташа. На ней полностью оправдалась поговорка «Беда не приходит одна». В один год потерять мать (неожиданная смерть от инсульта), работу (сократили), отправить сына в армию и попасть на диализ. явный перебор. Она даже не могла выписаться из больницы, потому что дома ей было не на что жить: больничный выплачивать некому, а группу дают только после четырех месяцев пребывания на больничном. В общем, кроме меня, все были новенькие, поэтому мне пришлось работать «советником-консультантом». Мне даже кличку дали в палате – «профессор»: «Ну, если профессор не поможет, пойдем к врачу!». Надо сказать, помогала довольно часто, и чем только не приходилось заниматься – и катетер промывала, и гепарин вводила.

Припоминаю один просто вопиющий случай. Коля рассказал об одной женщине, которая вводит антибиотик, разводя его перед этим гепарином. Сначала я как-то не обратила внимания на его рассказ, решила, что он по неопытности что-то перепутал или это какая-то новая методика. И вот как-то сижу в заливочной, сливаюсь, а рядом сидит несчастного вида бабулька в красном халате и, охая от боли, колдует с какими-то пузырьками. Приглядываюсь – мама миа! Набирает полпузырька гепарина, разводит им антибиотик и собирается ввести эту адскую смесь в пакет! Я в ужасе кричу: «Что вы делаете? И потом – сначала же надо магистраль промыть, а потом лекарство вводить!» – «Да? – растерянно смотрит она на меня. – Ой, так живот болит, я ничего не соображаю. Я уже третий день (!) так делаю, а ничего не помогает». Покрывшись холодным потом, говорю как можно спокойнее: «Я сейчас сольюсь и принесу вам другое лекарство, подождите немного». Быстренько закончив, бегу к медсестре, докладываю: так и так. Реакция вялая: «А, это такая-то. Ну, вот ей еще пузырек с лекарством». Подойти и объ-

яснить – не ее работа, конечно. Прихожу с лекарством, все ввожу и объясняю. Я бабушке явно понравилась – дня два она упорно дождалась меня в заливочной и я вводила ей антибиотик и гепарин: «Сама я боюсь, уж лучше ты сделай!». В конце концов я поняла, что что-то надо с этим делать: наотрез отказавшись вводить ей очередной антибиотик, заставила ее под моим наблюдением сделать все самостоятельно. Руки у бедняжки изрядно тряслись, но она умудрилась-таки сделать все правильно. Несмотря на то, что медики не баловали нас своим вниманием, никто в тот раз не умер, даже, наоборот, почти все довольно быстро восстанавливались. Наш больной – самый живучий больной в мире! Я уже на третий день ракетой носилась по знаменитому длиннющему коридору.

Второе мое пребывание в больнице было самым легким и даже веселым. Погода была чудесная, мы ходили гулять по больничному парку и за его пределы. Ну, конечно, сначала стоило мне пройти метров сто, как была уже вся мокрая от слабости, но на такие мелочи я давно привыкла не обращать внимания, бегала в ближайший книжный и просто погулять. После обхода регулярно занималась «медицинским консультированием». Придет А., пробурчит что-то быстро вроде: «Раствор мутный? Четыре двойных, из них два желтых, два зеленых, два гепарина, три антибиотика», – и убежит. Только она за дверь – народ ко мне: «Наташ, переведи!». Переводила – ходили за мной с тетрадками и записывали каждое слово, никогда себя такой умной не чувствовала (шучу)! По вечерам рассказывали ужастики о больничной жизни: про два ведра воды в животе, про перерезанный катетер, про загубленный Альбиной импортный глюкометр (сахар был такой высокий, что глюкометр зашипел и сгорел!), а в последний выходной перед выпиской я даже сбежала с отцом в парк Победы на аттракционы, из дома-то никуда не успевала – только выйдешь, уже пора сливаться. Медсестры больше не орали, я была уже своя. Да и жизнь вроде как стала получше: училище от закрытия отстояли, обида на Костю стала забываться – в конце концов, он ведь меня не обманывал, не говорил, что любит, ничего не обещал, а если я сама что-то напридумывала, так это мои проблемы, мне их и разгребать. Так что из больницы я вышла с неплохим самочувствием и настроением. Только вот ненадолго: две недели продержалась без антибиотика – и опять раствор мутный.

Как я теперь понимаю, у меня было какое-то хроническое воспаление кишечника, и мне перитонеальный диализ как метод лечения вообще не подходил. По крайней мере, после года на ПД точно надо было переходить на гемодиализ, но – мест нет, и все. Делай, что хочешь, крутись, как хочешь. Потихоньку дело пошло хуже, во время перитонитов начиналась ужасающая рвота. Это было что-то страшное, выворачивало каждые минут пятнадцать, и так – целую неделю. Иногда, уколов бешеную дозу церукала (противорвотное), удавалось часок поспать, после чего все начиналось снова. За неделю могла похудеть килограммов на пять, но потом из-за плохого слива все набирала обратно. На работе сочувственно кивала головой на жалобы коллеги: «У меня опять давление 180», – думая про себя: «А у меня с утра было 220, три таблетки коринфара под язык разом – и вперед». Как-то в Москве в метро увидела: шел мужчина – и вдруг упал с громким стуком. Вот так и я когда-нибудь, хорошо, если сразу насмерть. К врачу попасть не удавалось. Поездка к врачу – целая эпопея: надо часов в шесть утра слиться, потом ехать в битком набитой утренней электричке в Москву, потом в дикой толпе на метро. Иногда собиралась в назначенный день, вставала и чувствовала, что не доеду. Ну, не доеду – и все тут. Звонили, выслушивали недовольное ворчание, переносили, снова не приезжали. Когда давление поднималось выше, чем 220, вызывали скорую, но толку было мало, у скорой для снижения давления была только магнезия, которая мне его и снижала: например, было 240 – стало 230. «Стойкая гипертония, – с умным видом вещал „скоропомощной“ врач. – Теперь так всегда будет». Ага, как бы не так! Недодиализ и скопление воды, вот что это было. К этому еще прибавилась ужасающая бессонница. Не только ноги дергало, но уже и все тело. Ворочалась по ночам как волчок до семи утра, до восьми, иногда вообще не спала по три дня, но при этом умудрялась тянуть обе работы. Порой казалось, что еще немного – и просто спячу, но,

по-видимому, мозги – как раз одна из самых здоровых частей моего организма. Каким образом я протянула так год – не имею понятия. Да еще и не оглохла от постоянного введения антибиотиков! Не судьба.

2006-й, июнь-сентябрь. Очередную сессию в училище пережила с трудом, первому курсу так и не смогла сыграть, опять рвота началась. Хорошо хоть к экзамену у второго и третьего курса удалось как-то привести себя в порядок, а то иногда после недели перитонита и рвоты еле-еле до кухни доползала, куда уж тут на работу. Начала подумывать, а не уволиться ли, чтобы не подводить других.

Некоторые люди у меня спрашивают, зачем ходила на работу с давлением 220, кому нужно было такое геройство? Отвечаю: никакое это не геройство, а элементарный инстинкт самосохранения. Просто есть инстинкт сохранения тела и инстинкт сохранения души. Так вот для души мне работа совершенно необходима. Одна мысль засесть в четырех стенах и закопаться в своих болезнях вызывает у меня гораздо больший ужас, нежели мысль о смерти – в конце концов, смерти все равно никому избежать не удастся, а вот сидеть дома, чувствовать себя никому не нужной абсолютной развалиной и прислушиваться к разнообразным неприятным ощущениям в теле – бр-р... только не это! Когда я читаю, как иногда восхищаются мужеством некоторых людей-инвалидов, мол, он инвалид, а какой молодец – работает или пишет, или рисует, или еще что, я всегда думаю: ничего вы не понимаете! При чем тут мужество, человек таким образом выживает, надо же как-то отвлекаться, чтобы крыша не поехала! Но у меня дела шли так, что я поняла: скоро просто физически не смогу доехать до работы. Летом к врачу выбраться так и не удалось. Процедуры становились все длиннее, а слив – все меньше. Катетер постоянно засорялся фибрином, это белок такой. Если яичный белок вылить в кипяток, получится очень похоже. В сентябре вроде вышла на работу, но началась новая напасть: на работе еле досиживала до конца, приезжала домой – и начинало выворачивать.

– У тебя аллергия на работу, что ли? – это мама.

– Вроде раньше не было.

В октябре я поняла, что дальше так продолжаться не может: после очередного приступа перитонита на неделю и просто ужасающей рвоты (был момент, когда я решила, что уже все: перед глазами какие-то мушки белые, все звенит вокруг. На всякий случай у мамы начала прощения просить за все, чем напугала, конечно). Коринфара иногда по восемь таблеток в день приходилось закидывать. Участковый наш терапевт как-то сказал: «Давление? Ну, попробуй полтаблетки коринфара под язык, только осторожно – слишком сильное средство». Я ему в лицо на это рассмеялась: «Я уже по восемь пью!». Он «выпал в осадок». Сил не было совсем, лежала пластом, сливала меня мама. При этом каждая процедура длилась часа по два-три (напоминаю, четыре процедуры в день!). Решили любой ценой доехать до врача. Она на меня посмотрела и сказала: «Похоже, перитонеальный диализ подходит к концу». Кто бы сомневался. При этом я почувствовала, что она даже расстроена и совсем не хочет меня «выкидывать умирать», как частенько грозила.

– Надо подумать о гемодиализе, может быть, найдется место.

– А как с рукой? Когда сделают фистулу (для подключения к диализному аппарату на руке делают специальный доступ, соединяют артерию с веной), мне можно будет на пианино играть?

– Не знаю, надо будет проконсультироваться с хирургами.

«Руку не дам, – подумала я. – пусть в ногу делают, куда угодно». Поменяли засорившийся катетер, на это была вся надежда. Погода была великолепная, когда ехали из больницы, вышли из электрички на станции Зеленоградская и немного погуляли в лесу. Если бы еще живот не болел. Я еще погуляю, обязательно! И живот не будет болеть. Я это ТОЧНО знаю.

Нового катетера хватило на неделю. Когда он опять засорился и очередная процедура продлилась до полтретьего ночи, мы поняли – придется сдаваться врачам.

2006-й, ноябрь. Как всегда, ноябрь не принес ничего хорошего. В больницу меня взяли, главврач поликлиники даже дала нам «Газельку» доехать до больницы, за что мы были ей премного благодарны. Мест не было, поэтому меня положили в коридоре. Я была даже довольна – веселее и воздуха больше.

Первое, что сказала нам А.: «О гемодиализе не может быть и речи, будем пытаться наладить перитонеальный диализ». Честно говоря, гемодиализа я и сама побаивалась, памятуя жутковатые описания сей процедуры (давление прыгает, сахар прыгает, вывозят оттуда на каталке полумертвыми), да и встречали народ после процедуры гемодиализа сакраментальным: «Ну, как отлежал?» – с такой интонацией, словно встречали после полета в космос. Перспектива три раза в неделю таскаться на процедуры непонятно куда тоже не радовала. Особенно при моем самочувствии в последнее время – и по дому-то еле хожу, а тут еще на диализ ездить за тридевять земель! В первый же день, когда брали кровь из вены, я поленилась придержать ватку и заметила, что кровь течет, только когда весь рукав кофты был насквозь в крови. Ругаясь про себя (жалко кофту), побежала ее застирывать в туалет. Знак был нехороший – действительно, крови моей в тот раз в больнице пролилось многовато. Как всегда, послали на рентген.

– Все понятно, у тебя катетер всплыл, вот и не льется. Будем поправлять.

– Как? Опять брюхо резать?

Мне стало нехорошо.

– Нет, резать пока не будем. Железным тросиком через трубку внутрь залезем и поправим.

Н-да. Это, конечно, лучше, чем резать, но как-то тоже не очень мне понравилось. Сию экзекуцию назначили на следующий день. Занимались этим два врача. Один орудовал железным тросом, другой контролировал его действия с помощью рентгена.

– Будет больно – ори. А то проткнем тебе там что-нибудь! – обнадежил меня тот, что орудовал тросиком.

Вот чего не умею, так это от боли орать, ну, не научилась! Но на всякий случай приготовилась, даже рот открыла.

– Ты чего рот открыла?

– Сами же сказали – ори, вот я и готовлюсь.

– Н-да, тяжелый случай – она еще и издевается.

Пошуровали. Ну, не сказать, чтоб уж очень больно, терпеть можно. Но приятного мало, особенно когда изнутри по печени заезжают. Хорошо, что ничего не продырявили и даже поставили катетер на место.

Я уж было подумала, что скоро выпишут. Ну что еще им со мной делать? Катетер поправили, организм почистили капельницами. Но на душе было как-то беспокойно, чувствовала, что дома снова начнутся проблемы. Вообще я из любой больницы стараюсь как можно скорее удрать, всеми правдами и неправдами, но тут как-то не было удовлетворения. Да и не собирались меня выписывать, сказали, что скоро переведут в палату. Я даже и не знала, хочу в палату или нет. С одной стороны, поднадоело лежать в коридоре на всеобщем обозрении, да и тумбочку некуда поставить, есть неудобно. А с другой – все же в коридоре веселее и ты в курсе всех событий. По коридору почти всегда кто-то ходил. И колоритные же попадались личности: вот одного молодого парня постоянно катает в коляске его мать – это у них прогулка. Здорово подозреваю, что у парня диабет. (Как только видишь кого молодого и в плохом состоянии – почти наверняка можно сказать, что у него диабет. Давно уже поняла: зря люди боятся рака, диабет в последней стадии с осложнениями – это гораздо ХУЖЕ, хотя бы потому, что с диабетом, на диализе, слепым и без ног можно мучиться годами). И правда, у парня был диабет, но, по-моему, он малость обнаглел. Мать не отходила от него ни на минуту, хотя ноги у него присутствовали, мог бы когда и ножками пройтись. Да еще и по ночам ей спать не дает, а днем она сама не спит, врачей стесняется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.